

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Оксана проснулась на рассвете, посмотрела на часы, на ночник в виде большой розовой перламутровой бабочки, на огромного полосатого тигра во всю длину кровати — то ли подушка, то ли авангардный диван, — который у нее лежал вместо коврика, глубоко и легко вздохнула. Сегодня ночью обещали минус двадцать три. А здесь уютно, тепло, и никто не смеется над ее детской страстью к игрушкам, которых в супружеской спальне ровно столько, сколько Оксана хотела бы иметь в детстве. И всегда. То есть очень много. Она в этом доме хозяйка. У нее больше нет проблем и недостатков. Вся жизнь были, в двадцать пять их еще было полно, а в двадцать шесть — нет вовсе. Повезло. В ту самую минуту, когда казалось, что ей вообще конец.

Оксана повернулась на бок и стала внимательно разглядывать лицо мужчины на подушке рядом. Да, она так и оформила свою мысль: «лицо мужчины». Еще не привыкла к слову — муж. И чего уж тут скрывать — голова все еще забита терминологией убогой жизни бедной провинциальной девушки. «Мужчина, вы лезете мне на голову. Я тоже ждала автобус полтора часа, и мне тоже

нужно на работу». «Мужчина, отстаньте, я буду кричать». «Мужчина, вы тупой или просто козел?» Последний вопрос Оксана считала своим творческим открытием, поскольку действовал он на некоторых гипнотически: теряли дар речи, предоставляя ей возможность убежать. Оксана никогда не демонстрировала свое образование, полученное на филфаке пединститута, начитанность человека, выросшего в доме, где кроме книг ничего ценного не было.

Она устроилась поудобнее, поставив локоть на подушку, белокурая кудрявая головка — на ладони. В такой позиции лицо мужчины, который тихо и ровно дышал рядом, выглядело забавно. Глаза, как два дефиса, узкий, плотно сжатый рот — то как скобка, то как тире. У Юрия — так зовут мужа — только так и меняется выражение лица, даже когда он не спит: рот — или прямая линия, или уголки едва подняты — опущены, вверх — вниз. Вверх — это улыбка, вниз — недовольство или озабоченность. Впрочем, они еще слишком мало времени вместе, чтобы Оксана знала, в каких ситуациях лицо ее мужа заметно меняется. Он — замкнутый человек. Даже скрытный. Но хороший, как кажется Оксане. Она ни разу не почувствовала отторжения, барьера. А она очень остро ощущает такие вещи. Оксана быстро оглянулась на часы. Юрий проснется минут через пятнадцать. Он четкий, как будильник или калькулятор. В это время у них всегда утренний секс. Оксана выскользнула из-под одеяла, блаженно поставила босые ноги на тигра, посидела пару секунд и побежала в ванную. Там она приняла душ, тщательно почистила зубы и внимательно рассмотрела

в зеркале свое лицо, которое с подросткового возраста считала своим главным недостатком. Это классический вариант того, на чем все женщины и большинство мужчин мгновенно ставят клеймо: «кукольная внешность». Оксана и сама так считала. Она не находила в своем лице ни ума, ни характера, ни глубоких эмоций. А ведь все это есть!

«Ну, не все же выставлять на всеобщее обозрение, — рассудительно подумала Оксана. — Может, так даже лучше. Во всяком случае — сейчас, когда никому ничего не надо доказывать». Большие голубые глаза, аккуратный, чуть вздернутый носик, губы сердечком. Оксана улыбнулась, на щеках появились ямочки. В точности как у дорогой японской куклы, которую она видела недавно в одном бутике. Природа с кем-то ее перепутала, наградив таким лицом. Оксана была в этом уверена. А лицо Юрия? Может, и это ошибка и он совсем не такой, каким кажется? Когда-нибудь она спросит его о том, каким он видит себя сам или хотел бы видеть. Сейчас такие вопросы еще неуместны. Они еще не успели перейти границы личного пространства каждого. Все произошло слишком стремительно.

...В тот поздний вечер, чуть больше месяца назад, Оксана бежала от метро по практически безлюдному скверу, растянувшемуся вдоль шоссе, тускло освещенному унылыми фонарями. Был почти такой же мороз. На Оксане — тонкий белый пуховик с капюшоном, холодные сапоги на очень высокой шпильке. Первые ее покупки в Москве с первого заработка. Выбирала то, что эффектно смотрелось и подошло бы и весной, и осенью. Днем

Оксана работала корректором в типографии на другом конце Москвы, по вечерам подрабатывала репетитором по английскому и испанскому, иногда давала уроки музыки, пения, танцев для младшеклассников. Квартиру снимать не пришлось. Оксана приехала к тете, которая жила здесь уже несколько лет, работала в риелторской фирме, успела купить однокомнатную квартиру на первом этаже старого дома, раньше это была «дворницкая».

Оксана страшно замерзла. Ей даже казалось, что зубы стучат от холода в такт цоканью каблучков по обледенелой плитке. По краям — сугробы в ее рост высотой. Это было не похоже на город. Это напоминало царство злого колдуна. Оксана сначала испугалась, а потом поняла, что слышит топот догоняющих ее ног. Оглянулась: их было трое — мужчин в черных куртках, которые откровенно ее преследовали. Оксана побежала, но уже через минуту шпилька поехала по ледяной плитке, и она упала, вскрикнула от боли, подняла голову и увидела, что преследователи ее окружили... Она перестала чувствовать холод и боль, только панический, пронзительный ужас. Дыхание замерло, голос пропал, слезы затуманили глаза и не пролились, застыли. Грубые руки подняли ее, поволокли назад к переходу, неподалеку от которого стояла машина. Ее подтащили к задней дверце... А дальше все понеслось, как при прокрутке видеозаписи. Оксана видела это будто со стороны. Откуда-то появились два человека в темных костюмах, спокойно подняли пистолеты и взяли на мушку ее похитителей. Оксану отпустили. Она от боли в лодыжке упала на колени. Кто-то произнес пару фраз, после чего мужчины в куртках сели в свою машину

и умчались. Люди в костюмах помогли Оксане встать, и она не смогла сдержать стон.

— Вам, наверное, нужен врач, — сказал один из них. — Нас не бойтесь. Хозяин велел вам помочь. Его машина там — на встрече.

— Она на этих шпильках никуда не доковыляет, — сказал другой. — Может, у нее перелом. Давай-ка, девица, я тебя донесу до машины. Довезем, куда хозяин скажет.

На заднем сиденье огромного, светлого и теплого салона на Оксану молча смотрел небольшой человек с невыразительным лицом. Ее слезы, наконец, пролились. Она всхлипнула, крепко сжала дрожащие губы, чтобы не зарыдать в голос.

— Очень больно? — спросил незнакомец. Оксана кивнула.

— Мы можем отвезти вас в ближайшую больницу, но вряд ли это разумно, — сказал он. — Уже поздно, специалиста наверняка нет. Придется ждать до утра, да и потом неизвестно что будет. Знаете, как у нас все... Я предлагаю поехать ко мне домой. Я позвоню своему врачу, он будет на месте раньше нас. Вы согласны? Я ведь не похож на маньяка? Меня зовут, кстати, Юрий. А вас? — Уголки его губ чуть поднялись, Оксана догадалась, что это улыбка. В его взгляде она не увидела, а просто почувствовала тревогу: он боялся, что она откажется. Почему-то это ее сразу успокоило.

— Оксана, — представилась она. — Спасибо за помощь. Мне только нужно позвонить домой.

— Разумеется. Ваша сумка у моего охранника. Никита, дай, пожалуйста, Оксане телефон.

— Нет, он у меня в кармане.

Она достала свой старенький мобильник с распродажи, но он был то ли заблокирован, то ли контужен. Юрий протянул ей свой айфон, она позвонила тете Зине, та выслушала, поахала, потом заявила вдруг властным голосом:

— Спасибо ему, конечно, от меня. Но пусть он сейчас назовет мне адрес. Я все равно узнаю по номеру мобильного.

У Юрия был очень хороший слух. Он взял у Оксаны телефон и сказал:

— Запишите, пожалуйста. У меня очень простой адрес. И назвал одно из самых элитных мест ближнего Подмосковья.

Через полчаса грозовое облако, нависшее над жизнью Оксаны, растворилось в уюте и комфорте. И дальше все пошло по вечному закону неразгаданной теоремы Золушки. Без малейших усилий со своей стороны, без осознанного желания Оксана стала женой богатого и довольно известного человека. Он очень быстро зарегистрировал их отношения и даже заставил ее подписать брачный контракт. Она особенно не вникала в огромное количество предусмотренных там случаев возможного развода, поняла лишь, что в любом из них не останется нищей. Во время скромного бракосочетания узнала, что он разведен. Вопросов не задавала.

...Она надела свежую ночную сорочку, как делала всегда в это время, и вернулась в спальню. Он уже ждал, глядя, как она ступает босыми ногами на тигра, снимает эту самую сорочку, чуть потягивается, как кошка, приглаживает пышные волосы, ложится рядом. Он ласкает и любит ее аккуратно, деликатно, молча и ни на мину-

ту не отводит взгляда от ее лица. Оно ему однозначно нравится. Ее тело расслабленно. Она пока только принимает его желание. Ответит, когда... Когда сердце даст сигнал: это твое. Когда кровь загорится. Он ждет. Им некуда спешить...

— Я тебе не противен? — совершенно неожиданно спрашивает Юрий.

— Нет! Что ты говоришь...

— Отлично, — чуть улыбается он. — Это уже очень много, если не противен...

Он решительно, спортивно поднимается с кровати, направляется в ванную, Оксана задумчиво смотрит ему вслед. Он странный человек. Спас ее, осчастливил по нынешним понятиям и не претендует ни на благодарность, ни на самую скромную привязанность с ее стороны. Доволен тем, что не противен. Она видит в этом загадку, которую ей хочется разгадать.

Когда Юрий вошел, уже одетый, чтобы поцеловать жену на прощание, она вдруг почувствовала прилив желания. Но не стала обнимать его. Просто взглянула прямо в его серые глаза потемневшим, горячим взглядом. Он зафиксировал этот взгляд, как будто в его зрачках было по объективу. Запомнил. Что-то изменилось. Он ее понастоящему заинтересовал наконец.

Глава 2

Он проснулся на рассвете от того, что кто-то колотил в обитые жестью ворота. В доме было холодно, дрова догорели в маленьком камине, батарея рядом с диваном

была чуть теплой, над крышей подвывал и метался ветер. Андреас сунул ноги в валенки, влез в телогрейку, пошел открывать.

— Андрюша, — сразу запричитала соседка тетя Таня. — Беда! Волки моих собак порвали.

— Откуда здесь волки? Вы видели?

— Да! Они опять вернулись! Я услышала, как кричат Тузик и Дружок, вышла, смотрю, они лежат в крови. Стала Тузика тащить в дом, он теплый, может, живой, а они бегут через пролом в заборе. Три серых, обычных волка, один — огромный, какого-то непонятного цвета... Это ужас какой-то. На меня даже не посмотрели. Дружка окружили. Я схватила полено, побежала к тебе.

— У меня нет никакого оружия, — сказал Андреас, открыл бытовку, взял швабру и быстро пошел первым в соседский двор. То, что он увидел, ему самому показалось эпизодом из фильма ужасов. Три серых, истощенных волка пытались тащить разодранные трупы двух небольших дворняг. А чуть вдалеке спокойно стоял большой, раза в два больше волка, меховой зверь цвета красного дерева. Андреас видел такого в фильме «Сумерки». Он бросился прямо туда, в лужи крови на снегу, и стал бить хищников шваброй по мордам. Они взвизгивали от боли, смотрели на него затравленными, голодными глазами и вновь нюхали тела своих жертв, но как будто не знали, что делать дальше.

— Андрюша! — истошно кричала из окна тетя Таня. — Уходи! Беги в дом! Собакам уже не поможешь. Они тебя сейчас сожрут!

— Да нет, — отмахнулся Андреас. — Они и собак-то

не сожрут. Пришли от голода, а скота вроде у нас не держит никто.

Он отбросил в сторону швабру и негромко сказал:

— Пошли вон!

Волки вдруг поняли, что нужно спасти свои жизни, поджали хвосты, потрусили к пролому в заборе. И только тот странный, экзотический зверь продолжал стоять, спокойно глядя в лицо Андреаса шоколадными глазами.

— Иди и ты, — сказал ему Андреас. — Вам тут не поздоровится.

Зверь пошел неторопливо и гордо. Андреас наклонился над собаками.

— Все кончено, — сказал он выбежавшей тете Тане. Она заплакала.

Он поднялся на террасу и набрал телефон экстренного вызова полиции.

— Какие еще волки? — спросил сонный голос. — Ты сколько выпил, мужик?

— Адрес запишите, — спокойно сказал он. — Они не уйдут из поселка, пока не найдут еду...

Потом они с соседкой выдолбили в мерзлой земле за домом яму, положили в нее трупы собак, накрыли досками.

— Когда все проверят, захороним по-настоящему, — сказал Андреас.

— А кто проверит? Они ж не поверили.

— Подождем. Голодные волки не уйдут. Они собирались куда-то тащить собак. Может, пришли за едой для волчат. Среди них вроде была волчица.

Андреас вернулся к себе в дом, долго мыл руки,

умывался холодной водой, даже сунул под струю голову с каштановыми волнистыми волосами. Хотел смыть картинку: истерзанные собаки, дошедшие до крайности голодные волки, странный одинокий зверь, умеющий смотреть в глаза, как человек... Андреас настолько любил животных, что однажды запретил их себе заводить. Забота о ком-то не для него с его странной судьбой, которая гоняется за ним даже не как голодный волк, а как вооруженный маньяк.

Сварил кофе, но не вынес его запаха. Просто глотнул горячей воды. Посидел не раздеваясь, не думая ни о чем. Потом решительно встал, чтобы подбросить дров в камин и разжечь огонь. И тут в ворота опять заколотили. Он открыл: на пустынной дороге стояла полицейская машина.

— Вы нам звонили? — спросил молодой толстенький оперативник.

— А вы приехали, чтобы это уточнить? — улыбнулся Андреас. — Или вменить мне ложный донос?

— Шуточки, — строго сказал полицейский. — Мы привезли охотников. Звонили еще из одного дома, из пятого, там тоже женщина.

— Так в чем проблема, если есть охотники?

— В том, что я с ними не пойду. Мне жить не надоело. Ты звонил — ты и пойдешь. Я в машине подожду. Только сначала покажи документы.

Андреас зашел в дом, вынес паспорт, подождал.

— Надо же, — удивился мент. — И правда грек, как соседи сказали. Я думал, это типа кликуха.

— Типа — нет, — широко улыбнулся Андреас.

Полицейский сделал знак рукой, из машины вышли

два охотника с ружьями, а парень сам полез в машину и плотно закрыл за собой дверцу.

Они втроем подошли к пятому дому в тот момент, когда из открытых ворот выбежали волки. Почуяли беду. И тот, красный, тоже бежал, но, не припадая к земле с поджатым хвостом, как серые, а как ездовая собака — ровно, сильно, с хвостом по ветру. Они бежали к лесополосе, охотники и Андреас — за ними. Как только закончились дома, а волкам осталось преодолеть открытое пространство до деревьев, охотники начали стрельбу. Они знали свое дело. Звери умирали, и только потом падали, и алая кровь лилась на белый снег, и открытые, застывшие глаза смотрели на нее. Люди подошли к месту казни. Охотники достали мешки, стали бросать туда мертвых зверей. Андреас подошел к большому, цвета красного дерева. Его глаза были закрыты. Андреас наклонился, и вдруг шоколадный глаз приоткрылся, а хвост с белой кисточкой заметно шевельнулся. Призыв о помощи! Это не волк! Он знает человека!

— Ребята, — небрежно сказал Андреас охотникам. — Отдайте мне этого, красивого. Или продайте.

— На шапку, что ли? — уточнил один из охотников.

— Ну да.

— Не! Ты что! Их же на экспертизу сейчас заберут. Я позвонил, уже едут, — сказал второй охотник, пожилой, крупный, так и просилось определение «матерый». — На бешенство проверять. Ну, когда мозг вынимают, по срезу определяют.

— Так никто не знает, сколько их было, да? — уточнил

Андреас. — Только мы с вами. Скажем, трое. А этого я дотащу к себе, никто не увидит.

— Ну, не знаю. А если действительно бешеные?

— Нет, я их видел живыми.

— Да и нам понятно, что нет. Просто правило есть. А шкура красивая, конечно, дорогая. И не волк это. Я знаю, тут заводчик один помер: он привез из Якутии метиса маламута и красной волчицы. Пустил в разведение, дорого щенков продавал на шкуры. Думаю, за деньги его и грохнули. А пес убежал. Вот, наверное, к родне и прибился. Ладно, сколько дашь?

— Я сунул в карман на всякий случай все, что в доме было. Точнее, на тот случай, если ребята из машины от нечего делать там пошуруют. В смысле оперативного обыска. Вот, около двадцати тысяч.

— Сойдет, — быстро сказал охотник. — Бери мешок, пакуй и дворами, чтоб никто не видел. Мы еще пойдем логово искать. Вон у суки соски какие. Волчата где-то есть.

Андреас отдал деньги, взял мешок, сказал, что все сделает сам, и охотники пошли к лесу — искать логово. А он потащил зверя тропой, которая вела к домам с другой стороны. Тащил и думал, что тот уже умер. К черному входу на участок добрался с мокрой от пота спиной. Оставил мешок в сарайчике, освободив зверю голову, закрыл дверь, обошел участок и приблизился к машине. Открыл дверцу, услышал мирное похрапывание.

— Эй, герои, — окликнул он. — Просыпайтесь. Все кончено. Охотники вызвали экспертов. Вам надо протокол составлять. Я спать пошел.

— Слушай, скажи, а как было? — с любопытством спросил толстенький.

— Их убивали, они умирали, — пожал плечами Андреас. — Пока.

Он закрыл изнутри ворота, постоял, пока не уехала машина, потом пошел в сарай. Зверь был жив. Он смотрел и дышал. Андреас перетащил его в дом, закрыл ставни и двери, принес аптечку, осмотрел раненого. Правая передняя лапа вся в крови, рана на бедре, а на морде, под ухом, снесло кусок кожи и меха: пуля прошла по касательной.

— Тебе повезло, — шепнул Андреас. — Теперь терпи: больно будет.

Он разжег камин, расстелил перед ним покрывало, обработал спиртом нож. Из бедра достал пулю, зверь заскулил. Андреас разжал пасть и влил в нее немного разведенного спирта. Обработал рану, перевязал. С лапой дела были плохи. Пуля застряла в суставе. Андреас смыл кровь, промокнул тампоном со спиртом рану на морде, сделал инъекции антибиотика и баралгина. За окном стояло позднее, вьюжное утро, его самого качало от напряжения и усталости. Он не совсем понимал, зачем затеял всю эту историю. Глотнул спирта и прилег рядом со зверем. На секунду прикрыл уставшие глаза. И вдруг почувствовал, как его лицо лизнул горячий язык. Он изумленно посмотрел на своего пациента и услышал, как тот почти беззвучно сказал: «гав».

— Ты — собака, — нежно протянул Андреас. — Черт бы меня побрал. Мне не нужна собака. Но до чего же ты красив!

Они проспали вместе около часа. Потом зазвонил мобильник.

— Андреас Илиади? — затараторил мужской голос. — Это программа НТВ. Мы приехали снимать сюжет о волках, напавших на деревню. Вы не могли бы подойти на место событий? Туда, где они были убиты.

Он натянул чистую куртку, пошел к лесополосе. Охотники закончили давать интервью, корреспондент с оператором подошли к Андреасу.

— Вот перед нами местный герой, с простыми русскими именем и фамилией — Андреас Илиади, — протарахтел корреспондент на камеру. — Он сегодня ночью спас поселок от нападения бешеных волков.

— Я не спасал, и они были не бешеные, а голодные, — возразил Андреас. — Наверное, у них были волчата.

— Они точно были, — радостно сказал корреспондент. — Охотники их нашли и тоже убили. Эксперты всех забрали на экспертизу. Но мы успели кое-что снять.

— Да? Я не знал. Щенки были все серые?

— Не понял вопроса.

— Это я так, от усталости. Понятно, что серые. Спасибо полиции за оперативность, охотникам за профессионализм, вам — за интерес к нашим событиям. Жалко, что собак моей соседки спасти не удалось.

Глава 3

Оксана сидела за огромным кухонным столом и с интересом наблюдала за действиями своей поварихи Веры. Та не готовила и не подавала. Она творила. Как будто